

6—7 июля 1987 года в Москве, в Большом Кремлевском дворце состоялась пятая сессия Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

На повестку дня были вынесены вопросы:

Об изменении в составе Президиума Верховного Совета РСФСР.

О задачах советских и хозяйственных органов РСФСР по улучшению торговли и общественного питания в свете требований XXVII съезда партии и установок январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

О работе Советов народных депутатов РСФСР с наказами избирателей.

Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

Об избрании Председателя Верховного суда РСФСР.

По обсуждавшимся вопросам депутаты приняли соответствующие постановления.

Был дан ответ на запрос депутатов.

В ОТ и закончился июньский Пленум ЦК КПСС — Пленум, которого так ждала, к которому так готовилась вся страна. Радостно писать слова, полные правды и смысла: ведь именно так — ждала вся страна и готовилась вся страна. Никто из честно мыслящих людей не подвергнет это ни малейшему сомнению. Невиданная в последние десятилетия общественная активность очевидна. Скопившаяся и не находившая себе выхода энергия рвется наружу. Люди не просто хотят, они жаждут действовать, не просто стремятся — рвутся к делу. Два года перестройки — первая волна, всколыхнувшая застоявшуюся воду. — эти два года, полные освобожденных, искренних, страстных наших разговоров, споров о прошлом, настоящем и будущем, дискуссий, обличений, разоблачений, призывов прошли еще и в ожидании (для многих деятельном, а для многих просто нетерпеливом) решительных перемен, преобразований.

В сравнении с вечностью семидесятилетняя история нашей страны, конечно, не более чем миг, мгновение. Но в сравнении с нашими жизнями это долгий, наполненный многими событиями, насыщенный борьбой идей и мыслей период. Естественно, он обогатил опытом и знаниями не только своих ровесников. Люди ведь учатся отнюдь не только на собственном опыте, но усваивают и уроки предшественников. Семьдесят послеоктябрьских лет для всех советских людей стали школой жизни, школой социалистического строительства, школой советского патриотизма и интернационализма, школой гражданской ответственности, школой великих испытаний.

Один из основных уроков, преподанных всем нам в этой школе, состоит в том, что нам отлично известно теперь: никакие преобразования, никакое движение вперед, никакой прогресс невозможны, если самые лучшие призывы, самые высокие постановления, самые продуманные реформы не обеспечены всей совокупностью политических, экономических, социальных и правовых средств, которыми располагает социализм.

Вот почему этот Пленум был для людей таким жданным и желанным. Всем было понятно, что дальше невозможно жить по старому, но ведь чтобы идти вперед, не блуждая, не путаясь, не теряя сил и времени оттого, что сбился в пути, шаги надо делать по верной дорожке. Пусть она крута, пусть нелегка, все равно — надо встать на нее и топтать именно по ней, а не по той, что рядом — кажется, прямее и легче, да не туда приведет...

Пленум прошел. И седьмая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва утвердила Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении). И Закон СССР о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни. ...Утренние газеты поступали в киоски попозже, чем обычно. Люди терпеливо ждали. На эскалаторах в метро, в автобусах и электричках новые Законы страны читались, как читают самые интересные книги, от которых невозможно оторваться.

Мы теперь на дороге. Надо идти. Надо идти, ободряя и поддерживая друг друга, не останавливаясь, помогая уставшим, следя, чтобы никто не сбился и не отстал.

СЕЙЧАС решительный момент в нашей жизни — в нашей общей жизни, в жизни нашей страны. Перестройка — революционная, преобразования — революционные, изменения, которые вносят

в привычный уклад новые Законы, — революционные. Значит, от всех нас требуется сейчас не рядовая — революционная сплоченность, солидарность.

А значит, неизмеримо возрастает ответственность литературы перед обществом. «Слово — полководец человеческой силы». Ни на миг, ни в единой строчке, которую пишем, не позволим себе забыть об этом. Народ, в любви к которому мы умеем так красиво объясняться, хочет жить гордо, свободно, расправив плечи. — перестройка идет во имя этого. Значит, во имя того же должно работать и наше писательское слово.

Не время хвалиться достижениями, перечислять заслуги и тем более составлять обоймы писательских имен. Слава — самый невыгодный товар: она дорого стоит, но очень скоро портится. Если мы начнем сейчас друг другу и нашим читателям напоминать, кто из нас чем знаменит и славен, нас просто не поймут. Истинных заслуг никто и так не забывает.

К сожалению, приходится говорить об этом. Потому что за два года перестройки мы так и не сумели изжить комплиментарность в критике. Никак не перестроимся. Достаточно открыть последние номера наших толстых журналов — в этом с горечью убеждаешься сразу. Хотя, кажется, говорят о необходимости избавиться от недуга все, с самых различных трибун. Так избавимся, товарищи! Чего же мы ждем? Неужели и тут нам нужны приказы и постановления? Неужели еще не понятно, что, публикуя не просто положительную, а откровенно комплиментарную статью, редакция ставит в ложное положение, попросту подводит писателя, которому хотела сделать как можно более обстоятельный комплимент?

На что же мы с вами тратим так часто силы, время, бумагу, наконец?!

Где наша, литературная госприемка? Почему не становится меньше поток произведений, не отмеченных знаком яркого таланта? Иные произведения появляются, особенно в областных журналах, кажется, только потому, что нечем занять площадь. Не тот же ли это пресловутый план по валу? И не пора ли нам от слов переходить к делу — все-таки ставить серости надежный заслон, а не только декларировать свои добрые намерения?

Избавляться от вредных привычек всем трудно. Писатели — не исключение. Регулярное перечисление заслуг — наша общая дурная привычка. «Обоймы имен» и нервное слежение за тем, попал ты сегодня «в обойму» или не попал, выяснение всеми возможными путями, почему не попал, почему попал другой, а не ты, интриги, сплетни, лести — вредных привычек у нас немало. К сожалению, есть среди нас литераторы, которые прямо так запросто требуют выдвижения себя на премию, а не получив ее, могут не подать руки членам комиссии, которые участвовали в работе жюри. Есть и такие, что, награжденные той или иной правительственной наградой, откровенно выражают свое неудовольствие, считая данную награду недостаточно высокой. Все это есть, и все это порождает ту же беспринципность.

Может быть, наихудшая из всех — привычка к компромиссу. Привычка поддакнуть там, где нужно поспорить, привычка подчиниться большинству там, где необходимо склонить большинство на свою, противоположную точку зрения.

Да, и на Пленуме ЦК, и на сессии Верховного Совета звучала мысль о том, что в годы, которые мы называем годами застоя, в словосочетании «демократический централизм» на главное место вышло слово «централизм», а слово «демократический» как-то ступсилось. Это положение было общим. Что же, разве мы вправе утешиться тем, что оно было общим, и

Сергей Михалков

ИСТОЧНИК ПРОГРЕССА И САМОРАЗВИТИЯ

многие свои поступки вспоминать без стыда? Уверен, что не вправе. Кому много дано, с того многое и спрашивается. Писателям в нашем обществе дано много, очень много. Даже сейчас, когда столько перед нами трудновыполнимых экономических задач, когда у нас столько, как говорится, прорех и дыр, когда так тяжела международная обстановка и мы стоим перед реальной угрозой звездных войн, когда столько стихийных бедствий и трагедий обрушилось на нашу страну, — даже в этой обстановке принимается постановление, направленное на улучшение нашей, писательской жизни. Причем подкреплено оно материальными вложениями.

Кроме того, творческая художественная и научная общественность — и про это нам тоже нельзя забывать — составляет все же наиболее образованную, мыслящую и интеллигентную часть общества. По всему по этому наши компромиссы, наша беспринципность обходятся

много дороже, чем чьи-либо другие. Ведь на нас общество смотрит с особой надеждой. К русскому писателю всегда шли как к последней инстанции искать правду, справедливость, истину, ответы на неразрешимые вопросы. Традиция эта в нашем народе никогда не была нарушена. И сейчас идут, и всегда шли. В годы застоя тоже шли.

А мы не всегда были на высоте, нет, далеко не всегда... И как бы хотелось, чтобы эти глаголы так и остались в прошедшем времени! Но чтобы не повторять ошибок, надо осознать их, пожалеть о них, иначе не будет толку.

ДВА года мы учимся жить при демократии. И далеко не всем наука легка. Вот ведь о чем неотступно думается: не только закостенелым бюрократам — писателям, представителям са-

мой демократической профессии, людям, воспитанным на демократических традициях русской литературы, тоже нелегка.

Соглашательство, поддакивание, угодничество, лесть, комплиментарщина, неумение ни сказать, ни стерпеть горькую правду — все это несовместимо с демократией. И все это, стало быть, работает против перестройки, тормозит ее. Суетливое, неточное, оскорбительное для чего-то достоинства, а тем более лживое слово иных «правдолюбцев» работает против перестройки, тормозит ее. Вот почему наша ответственность за собственное слово обязана не просто повыситься, она обязана быть наивысшей. Партийные и правительственные решения, постановления, законы ставят заслон браку — самому страшному бичу нашей экономики. Невозможно принять постановление или закон, запрещающие обращаться со словом кое-как, спустя рукава. Наша деятельность в самом деле регламентации не поддается. Значит, закон, неумолимо пресекающий словесный брак, каждый из нас обязан немедленно принять для себя сам. Бракованное слово не только не станет полководцем, оно будет сбивать людей с пути, мешать им.

Многие сейчас взволнованы публикациями в печати об обществе «Память». Волнение понятно: слово «память» для всех нас свято, мы отлично понимаем, что без памяти о прошлом невозможно строить будущее. Любая строка в истории, свидетельствующая о мужестве, благородстве, великодушии и доброте наших предков, дорога нам. И тем дороже, что в истории Отечества немало строк, свидетельствующих и об иных чертах, вовсе не стоящих гордости. Мы прекрасно понимаем, что хотим сберечь на века и от какого наследства отказываемся.

Превратить сохранение памятников истории и старины во всенародное дело необходимо. Бескорыстный труд на восстановительных и реставрационных работах благороден... Но ведь общество «Память», похоже, хлопочет совсем о другом. Безответственные, исторически неграмотные речи сенот в неподготовленных, в основном молодежных аудиториях националистические, шовинистические, антисемитские настроения. Что сказать? Значит, у руководителей общества «Память» превратные представления о нашей демократии. Почему же они думали, что в обстановке гласности им удастся утаить от всех свои темные лозунги, скрыть свой недостойный моральный облик, утаить собственную необразованность, свои нечистые помыслы? Почему же им казалось, что некому дать им отпор, поставить их на место, высмеять, наконец? Почему же им казалось, что мы не скажем им со всей прямотой: национализм, шовинизм и антисемитизм несовместимы с советским патриотизмом, ни один порядочный человек под такие лозунги не встанет, а, наоборот, почтет за долг разъяснить их порочный смысл, их разрушительную силу.

Русский, Я воспитан в русской интеллигентной среде, в традициях настоящей российской интеллигенции. Всем известно, что представители этой части общества шли на любые, в том числе и очень страшные жертвы во имя России, но идеям, которые воцарились в обществе «Память» (они ведь отнюдь не новы), русские интеллигенты всегда противостояли. И это противостояние — тоже наша Память, наша святая традиция, которую мы обязаны хранить.

нас сам себе технолог и главный инженер, сам себе стратег и тактик, сам себе плановик и исполнитель. Постараемся же, садясь к письменному столу, не забыть о своей огромной ответственности перед народом в ответственный, решительный момент его жизни.

Огромная работа приходится на долю публицистов. Но они сейчас и в наиболее выгодном положении, может быть, в более выгодном, чем прозаики и поэты. Жажда правды, правдивой информации у людей так велика, что и газеты чуть не из рук друг у друга выхватывают, и журналы начинают читать едва ли не с раздела публицистики.

Но чем дальше, тем становится все очевиднее: одним искусством нарисовать предельно правдивую картину публицисту обходиться нельзя. Придется ведь не только сладкое — горькое тоже приедается, да и едва ли не скорее. Любая горькая правда должна быть осмыслена. Люди хотят знать, что делать, где выход, как поправить положение. Они ждут, что публицистические статьи не только талантливо заведут их в бесчисленные тупики, но и покажут выход из этих тупиков, подскажут, как развязать узлы, за какое звено потянуться, чтобы вытянуть цепь.

Посмотрим правде в глаза: в последнее время публицистика сверх меры увлечена показом тупиковых ситуаций. Перед осмыслением их, перед реальными выходами, перед возможными разрешениями того, что кажется неразрешимым, публицисты останавливаются в беспомощной позиции. Трудно? Но кто же, когда и где говорил, что должно быть легко? Это ведь естественно, что нам трудно. Опять повторю: это только в сравнении с нашими жизнями семьдесят лет — долгий срок, в истории общества семьдесят лет — не более, чем миг. Ведь речь идет о формировании принципиально новой исторической формации. Формации складываются многими десятилетиями, веками. Нам кажется, что какая-то проблема не решается слишком долго — но надо интенсивнее искать пути решения. С нами весь опыт прежнего развития, мы вооружены марксистско-ленинской теорией, мы более образованны (во всяком случае должны быть более образованны), чем предки.

Искать пути — обязанность думающего человека. Иначе на кого же в этом смысле надеяться Отечеству. Искать пути — обязанность публицистов. У прозаиков и поэтов все-таки другие задачи. Да и у критиков тоже.

Но публицистом сегодня может стать каждый из нас, вот ведь в чем я абсолютно убежден. Каждый газетный номер без писательского слова я воспринимаю как брак в работе писательского союза. В такое-то время разве могут писатели молчать? Не могут, не имеют права. Вот в самом начале я сказал, что слава — продукт скоропортящийся. Сегодняшний день это очень ярко показывает. Если ты, известный, любимый народом писатель, сегодня молчишь, если люди, выстоявшие длинную очередь у киоска и купившие пяток газет, ни в одной не увидят твоего имени, не услышат, как ты говоришь с ними в такие ответственные дни, — какова же твоя слава и заслуга?

Кто-нибудь скажет, что газетная статья — второстепенное дело, что нельзя отвлекаться от рукописей... Но главное дело нашей партии сегодня — вовлечь весь советский народ в преобразование. Идеи, как известно, становятся материальной силой, когда овладевают массами. Кто в первую очередь обязан взять на себя задачу агитации и пропаганды? Кто, если не мы?

Так что газета, публицистика сегодня не только не второстепенное, а самое что ни на есть первостепенное для писателя дело. Что до наших любимых рукописей, то и их, конечно, не надо откладывать. Надо просто прибавить в работе. Все ведь должны прибавить в работе — все, значит, и мы с вами.

ПЯТЬ возвращаюсь мыслями к прошедшим годам, к тем годам, когда многие из нас, как говорится, «видели, но молчали», «понимали, но соглашались», «не соглашались, но терпели». К компромиссным, соглашательским временам мысленно возвращаюсь. Признаться, краснею. За многое краснею... Почему не нашлось среди нас человека, который сказал бы: «Не могу молчать!» Почему сам я не был тем человеком?..

Ошибки, когда они поняты и осознаны, когда за них стыдно, когда в них раскаялся, становятся опытом. Не только твоим собственным — всеобщим.

Хочу верить, верю, что больше мы не совершим их. Не имеем права совершать. А гарантией от них пусть всем нам, каждому послужит демократический централизм, принцип, где оба слова важны в равной мере.

ПОВТОРЯЮ: сплоченность, единство — вот что необходимо сегодня нам, чтобы успешно двигаться вперед по намеченному пути. Вот чему мы обязаны отдавать сейчас все свои таланты, все возможности, все силы. Писатель — это ведь тоже своего рода предприятие. «...Та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды»... И продукция наша также приносит государству прибыль или убыток в рублях. Но и не только в рублях. Пока что не изобретена такая машина, такой сверхсовершенный компьютер, который подсчитал бы, сколько выиграло общество от талантливой книги, от книги честной — и сколько проиграло от серой. Нельзя предсказать и даже представить себе доход — наш общий доход — от того, что люди, читая, плакали или смеялись, от того, что они были воодушевлены писательским словом, у них возросло чувство собственного достоинства, воспрянула душа...

Каков вклад хорошего писателя в национальный доход, в казну, в наше общее достояние и богатство?..

И сколько изымает у общества, портя ему настроение и сбивая его с панталюк, писатель плохой? Даже просто не писатель...

То же предприятие... Только каждый из